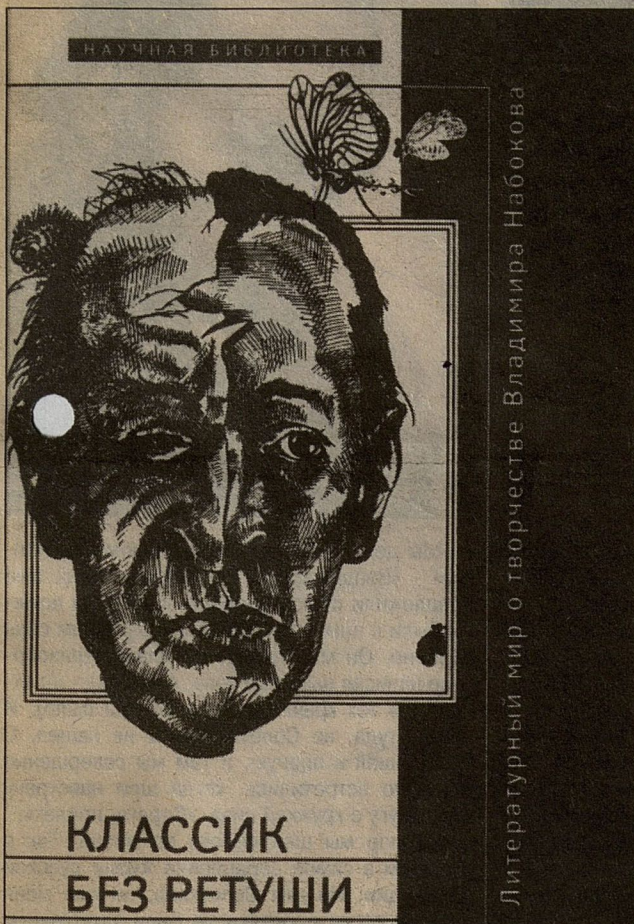

Рос. вести. — 2003. — 19 марта. — с. 17

ЕГО ТАЛАНТ НЕ ЗНАЕТ РАВНЫХ

Литературный мир о творчестве Владимира Набокова

Как известно, количество книг и статей, посвященных Набокову еще до его триумфального возвращения к российскому читателю, исчисляется, без преувеличения, тысячами. И больше тысячи к ним прибавилось со времени первой публикации писателя в России в 1986 году, если не ошибаюсь, в газете, посвященной шахматам. Затем последовала «Защита Лужина» в разруганной либералами консервативной «Москве». Плотина была прорвана. Книги человека, любившего говорить, что «...той России, где я вырос, уже давно нет», хлынули на тогда еще советские книжные прилавки.

«Да и не мог он из нее выйти, и он останется в ней. Никогда он Россию не забывал. Просвечивает она во всех английских его книгах. И еще во второй половине жизни принес он ей два дара, о которых стыдно было бы русским забывать: свой комментарий к подстрочному переводу «Онегина» и русский перевод «Лолиты», несмотря на сказанное мной, самой зрелой его книги и по которой лучше всего можно судить о его несравненном словесном мастерстве.

Над могилой его не солгу. Но жалею, очень жалею, что и недоброе кое-что пришлось мне о его творениях сказать. Желаю им бессмертия. Я всегда его любил, всегда восхищался его огромным даром. Скорблю о его смерти и страстно хочу, чтобы о ней скорбела его и моя Родина».

Этими цитатами из русских эмигрантских изданий наши известные «звезды» в мире исследователей русского зарубежья Николай Мельников и Олег Коростелев завершают подготовленный ими в издательстве «Новое литературное обозрение» большой том «Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве Владимира Набокова».

Книга эта — безусловное событие. Начиная с отзывов русских газет о первых книгах стихов Набокова «Гроздь» и «Горный Путь», вышедших в берлинских издательствах «Грани» и «Гамаюн» в 1923 году, и до многочисленных некрологов, появившихся в русской эмигрантской и мировой прессе в 1977 году, когда Набоков нашел свой последний приют на швейцарском кладбище Кларан, в этом издании дан весь широчайший спектр мнений о творчестве и личности Набокова, изданных почти за полвека.

Здесь и резкие отзывы мэтра литературы русского изгнания Георгия Адамовича, писавшего, к примеру, что «о даровании Сирина (псевдоним В. Набокова. — В.Л.) — нет споров. Но все-таки в даровании этом что-то неблагополучно. Чем внимательнее вчитываешься, тем сильнее чувствуешь это». Здесь и свистопляска американских блюстителей нравов вокруг «Лолиты»: «Без сомнения, это грязнейшая книжонка из всех, что мне доводилось читать. Это отъявленная, неприкрытая порнография. Ее главный герой — извращенец... Вся эта книга посвящена откровенно бесстыдному и вопиюще омерзительному... Книжка вышла во Франции. Всякий, кто осмелился бы напечатать или продать ее в нашей стране, несомненно, отправился бы за решетку». Можно прочесть и обвинения в барстве и снобизме, которыми встретили в Америке мемуары Набокова «Память, говори»: «Несмотря на то что «Память, говори» изобилует именами и лицами, самые откровенные места книги касаются одного только автора, в них описываются муки, радости и забвение времени, испытанные им во время погони за редкими бабочками, сочинением стихов и составлением шахматных задач». Читатели могут познакомиться и с обвинениями в адрес другого набоковского романа — «Ада», на который в свое время обрушился град обвинений в непристойности: «Чуть ли не единодушное признание, которым встречается «Ада», можно, пожалуй, объяснить отсутствием у ее читателей самолюбия, некритически подобострастным отношением ко всему непонятному и тяготящему. С трудом продираясь сквозь роман и найдя его столь же пространном и трудным для чтения, как роман Пруста или Джойса, затравленный читатель заключает, что книга все равно восхитительна». К слову, нельзя не сказать, что очень многие и сегодня боятся признаться, что Набоков им совершенно чужд и что они ничего не понимают в его книгах. Недаром слишком часто слышатся слова филологов, да и просто читателей о том, что они любят Сирина — под этим псевдонимом Набоков писал до своего отъезда в Америку. И, наверное, не так уж не правы те, кто считает, что наиболее русские произведения великого мастера подписаны именно Сириним.

Впрочем, в Америке писали, что как бы ни был виртуозен Набоков в английском, он все равно останется русским, а в России до сих пор достаточно широко распространено мнение, что Набоков в первую очередь западный прозаик, чуждый подлинно отечественным традициям. Такие художники, как он, всегда будут вызывать споры.

«Его талант не знает себе равных. Набоков, как никто другой, силой воображения мог проникать во внутреннюю суть предметов. То, что для большинства русских писателей-эмигрантов осталось недосягаемой мечтой, для Набокова было естественным даром и драгоценным даром. Долгое изгнание, безусловно, пошло ему на пользу. Свобода, сказал он однажды, стоит русским писателям отказа от Родины».

Набоков В.

1903.03.